

07.00.02 Отечественная история

УДК 908

DOI 10.22311/2074-1529-2020-16-3-119-143

В. О. Бобровников

Научная лаборатория по анализу и моделированию социальных процессов

Санкт-Петербургского университета, г. Санкт-Петербург;

Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва

М. И. Каяев

Исторический факультет Дагестанского государственного университета,

г. Махачкала

‘АЛИ АЛ-ГУМУКИ (КАЯЕВ) КАК ИСТОРИК МУСУЛЬМАНСКИХ НАРОДОВ КАВКАЗА

БОБРОВНИКОВ Владимир Олегович —

канд. ист. наук, науч. сотр. Научной лаборатории по анализу
и моделированию социальных процессов СПбГУ

(199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 11);

зав. Центром изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья,

Институт востоковедения Российской академии наук

(107031, Россия, Москва, Рождественка, д. 12).

E-mail: vladimir_bobrovn@mail.ru

КАЯЕВ Микдад Ильясович —

студент ист. фак-та,

Дагестанского государственного университета

(367008, Россия, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Коркмасова, д. 8).

E-mail: mikdad.kayaev@yandex.ru

Аннотация. Статья представляет опыт новой концептуальной биографии одного из лидеров мусульманского реформаторства на позднем имперском и раннем советском Кавказе. После того как дважды репрессированный сталинский период ‘Али ал-Гумуки, более известный как Каяев (1878–1943) из Кумуха в Дагестане, был реабилитирован, о нем писали в основном

как о политически близком к большевикам публицисте и общественно-политическом деятеле, реже — как о книжнике и собирателе одной из крупнейших в регионе мусульманских библиотек рукописей на арабском и других восточных языках. Пытаясь существенно пересмотреть этот не совсем точный образ, авторы данной работы обращаются к научному наследию Каяева как мусульманского историка-реформатора. Основное внимание уделено его источниковедческим изысканиям, в которых он во многом определил направление исследований востоковедов дагестанской академической школы XX в., а также оригинальному пониманию им характера историографии как таковой, главную роль в которой он стал отводить мусульманским народам как главным акторам истории.

Ключевые слова: историография и источниковедение ислама, ориенталистика, мусульманское реформаторство, Дагестан, Египет.

Для цитирования: Бобровников В. О. 'Али ал-Гумуки (Каяев) как историк мусульманских народов Кавказа // Ислам в современном мире, 2020; 3: 119-143;

DOI 10.22311/2074-1529-2020-16-3-119-143

Статья поступила в редакцию: 16.07.2020

Статья принята к публикации: 01.09.2020

Одним из оригинальных, но знакомых сегодня больше специалистам-востоковедам мусульманских ученых-энциклопедистов позднего царского и раннего советского времени, стоявших у истоков становления академического востоковедения на Кавказе, был выходец из дагестанского селения Гази-Кумух (ныне райцентр Лакского р-на Кумух) 'Али Каяев¹. Он прославился яркими трудами по истории мусульманских народов Дагестана, его многоязычной духовной культуры, фольклора, публицистики. По названию родного селения его чаще именовали Кумухцем (*ал-Гумуки*), а за небольшой рост и въедливость в научных изысканиях прозвали Замир 'Али (от араб. *дамир* — «слитное местоимение, закорючка»). Его родным языком был лакский. В школе он блестяще выучил арабский (*ал-фусха*), турецкий языки и фарси. Впоследствии свободно писал на этих языках в арабской графике, мог общаться и на русском, но не владел этим языком свободно, почти не писал на нем, поскольку широкое знание русского языка в регионе распространилось только к середине XX в. Из-за этого, а также вследствие сталинских репрессий, жертвой которых он

¹ Авторы благодарны Ш. Ш. Шихалиеву, старшему научному сотруднику Института истории, археологии, этнографии ДФИЦ РАН и научному сотруднику Амстердамского университета за ценные советы и поправки к первоначальной версии этой статьи.

стал, научное творчество Каяева еще плохо известно историкам России у нас в стране и за рубежом и оставляет широкое поле для мало обоснованных домыслов о его исследовательской и общественно-политической позиции.

Выпускник традиционной мусульманской школы

Род Каяевых был одним из наиболее древних в Кумухе. Первое письменное упоминание о нем относится к 1474 г.¹ Его отец был искусным оружейником, часто уезжал из Дагестана в Северный Азербайджан, где работал в Закатальском округе Елизаветпольской губернии. В 1884 г. он погиб в кинжальной схватке с грабителями в с. Голода. Али тогда было всего 7 лет. Вместе с братом Рамазаном его взяла на воспитание тетка по отцовской линии — Нажават. Как и его сверстники, он начал учиться в медресе при джума-мечети селения, которое возглавлял тогда известный ученый, выходец из рода потомков пророка Мухаммада Гази сын Саййид Хусайна (Сейидгусейнов)². Завершив его курс, он переходил со студентами-мута'аллимами из медресе одного дагестанского селения, в другое. Здесь он последовательно изучил грамматику, морфологию и синтаксис арабского языка, риторику, логику, кораническую экзегетику (*тафсир*), *хадисы*, исламское право (*фикх*) шафиитского толка, а также основы математики, астрономии и других неисламских наук. Чтобы пройти такой, поистине университетский, курс нужно было совершать порой длинные путешествия между популярными медресе на Кавказе и за его пределами, как в Российской империи, так и за рубежом, преимущественно в османской Турции. Арабский язык играл в нем роль *lingua franca*, позволяя общаться студентам и преподавателям, принадлежавшим к разным кавказским и тюркским народам разноплеменного Дагестана.

Ход занятий в мусульманской школе второй трети XIX в. живо описал окончивший полный ее курс лакец из с. Куркли Абдулла Омаров, отец которого был шариатским судьей (*кади*) и возглавлял медресе: «Каждый день утром после намаза отец отправлялся в сопровождении стариков на кладбище читать молитву и по возвращении оттуда занимался с учениками. Он призывал к себе каждого из них по очереди

¹ Гусейнаев А. Г. Архивные сведения из трех арабских надписях из Кумуха // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1986. С. 129–130; Шихалиев Ш. Ш., Наврузов А. Р. Из истории жизни и творчества Али Каяева и Сайфулла-кади Башларова: документы и материалы. Махачкала: Rizo-Press, 2018. С. 8–9.

² Абдулмаджидов Р. С., Шехмагомедов М. Г. Биографии кумухских ученых-богословов XIX в. в изложении Али ал-Гумуки (Каяева) // Вестник ДНЦ РАН. 2015. № 57. С. 57–58.

и заставлял сперва прочесть вчерашний урок, потом сам читал новый урок с переводом на туземный (зд. лакский. — В. Б., И. К.) язык слово в слово; наконец заставлял ученика прочесть то же самое, и это служило уроком для следующего дня. Если же ученик не выучивал вчерашнего урока, тогда новый урок откладывался на следующий. В остальное время дня ученики занимались сами, а кадий только изредка замечал, когда кто-нибудь из нас сидел без книги, что ученик должен иметь перед собой постоянно книгу... Ученики вели... полуголодную жизнь весело; ни у кого из нас не было забот кроме забот о том, чтобы поскорее окончить начатую книгу»¹. Ко времени юности Каяева набор учебных пособий и методика исламского образования в медресе практически не изменились.

Незаурядная память и интеллект позволили Али почти в два раза быстрее² пройти все ступени традиционного исламского образования, занимавшие обычно от 15 до 20 и более лет. На старших курсах он помогал преподавателю медресе вести занятия и переписывал книги, пополняя его библиотеку. Учились в дореволюционном и раннем советском Дагестане преимущественно по рукописям, печатных изданий дагестанцы не любили. Сохранилось несколько арабских сочинений, переписанных юным Каяевым, в том числе в жанре исторических хроник (*таварих*). Среди них арабская хроника Мухаммада-Тахира ал-Карахи, секретаря имама Шамиля, сопровождавшего его в годы Кавказских войн (1817–1864). Она называется «Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских набегах» (Барикат ас-суйуф ад-дагистанийа фи ба'д ал-газават аш-шамилийа). Переписку ее Каяев завершил в 1899 г. по заказу своего первого учителя, Гази сына Саййид Хусайна из Кумуха, и отослал ее в подарок ученому Абд ар-Рахману сыну Абд ал-Ваххаба в Астрахань, в медресе которого он вскоре поступил и работал в нем до 1905 г. В 1935 г. рукопись очутилась в Институте востоковедения (ныне: Институт восточных рукописей РАН) в Ленинграде. Наряду с четырьмя другими списками она послужила основой для первого перевода и издания хроники А. М. Барабановым под редакцией И. Ю. Крачковского в 1941 и 1946 гг. (как «Рукопись Б»)³. Этот список

¹ [Абдулла Омар-оглы.] Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. Отд. VII. С. 23, 24.

² Из воспоминаний дагестанского арабиста М. Г. Нурмагомедова (1909–1993) в записи И. А. Каяева в октябре 1989 г. Цит. по кн.: Шихалиев Ш. Ш., Наврузов А. Р. Из истории жизни и творчества Али Каяева и Сайфулла-кади Башларова: документы и материалы. С. 10, примеч. 3.

³ Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля / пер. с араб. А. М. Барабанова; предисл. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. С. 22. Барабанов и даже Крачковский не смогли идентифицировать переписчика хроники, поскольку творчество Али Каяева в то время было совершенно не изучено. К тому же ленинградские арабисты плохо знали дагестанские реалии времен Кавказских войн, о чем в рецензии на перевод Барабанова написал Крачковскому выдающийся дагестанский востоковед, ученик Каяева М.-С. Саидов.

наряду с целом рядом других, выполненных в конце XIX–XX в., свидетельствует о растущем интересе дагестанских улемов того времени к истории.

Вместе с тем увлекательное археографическое расследование каяевского списка хроники, проведенное во второй половине 1930-х годов Крачковским, показывает, как плохо еще в первой половине XX в. прекрасные арабисты и исламоведы России знали ее собственный мусульманский Восток, его классических авторов, переписчиков и их сочинения, до сих пор исключительно дурно представленный в авторитетных востоковедных справочниках, включая знаменитый справочник К. Брокельмана по арабоязычным рукописям, при том, что дагестанские улемы позднего имперского времени, даже почти не разумея по-русски, умели найти общий язык с тюркоязычными мусульманами Поволжья. Прислушаемся к живому голосу Крачковского, столь вводящего самого широко читателя в загадки названий сочинений, имен их героев, авторов и переписчиков, с которыми столкнулись тогда ленинградские арабисты, пытавшиеся расшифровать их из напечатанных к тому времени исторических сочинений мусульманских хронистов из Дагестана, прежде всего Хасана Алкадари, автора знаменитой реформаторской хроники об исламских памятниках Восточного Кавказа:

«Экспедиция Академии наук летом 1935 года вывезла из Астрахани вторую рукопись того же самого сочинения (Хроники ал-Карахи. — В. Б., М. К.)... Рукопись была переписана в июле 1899 года... Ни переписчика, ни лица, заказавшего рукопись, до сих пор не удалось идентифицировать, хотя имена их полностью даны: они оба дагестанцы и газикумухцы (действительно, и Али Каяев, и его учитель Гази сын Саййид Хусайна были родом из с. Кумух. — В. Б., М. К.). Переписана рукопись очень убористым каллиграфическим, несколько претенциозным почерком... Поднесена же рукопись лицу известному — астраханскому ученому Абд ар-Рахману, сыну Абд ал-Ваххаба. О них упоминает Алкадари, автор «Асари Дагестан», говоря о своем пребывании в Астрахани при возвращении из ссылки в Спасске в начале 1880-х годов. Рукопись переплетена вместе с выписками и копиями других сочинений, в большинстве случаев самого Абд ар-Рахмана. Интересующее нас произведение скопировано, по-видимому, с того же оригинала, что и наша первая рукопись... Вновь открытая рукопись предназначена для частного употребления...»¹

Астраханский период определил сферу научных интересов Каяева. Особенно его привлекало источниковедение — изучение средневековой и новой истории мусульманских народов Кавказа по документам,

¹ Крачковский И. Ю. Новые рукописи истории Шамиля Мухаммада Тахира ал-Карахи // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. 1960. Т. VI. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 605–607.

письмам, договорам (*иттифакат*), нормативным актам, памятным записям и хроникам (*таварих*) на арабском, староосманском, фарси и иных восточных языках, которые он находил в библиотеках мечетей и ученых-улемов, у которых учился. Многие из этих источников были введены в научный оборот Каяевым и его учениками, среди выделялся Магомед-Саид Саидов (1902–1985) из с. Геничутль, ставший в советское время крупным лингвистом и историком-востоковедом. В 1905 г. Каяев выезжает в Каир, чтобы пополнить свое образование в крупнейших исламских центрах Османской империи. Отсутствие у ученых точных свидетельств вызвало споры сначала у дагестанских улемов, знавших Каяева, а затем и у советских исследователей его творчества¹, где же, в сущности, он учился и какое положение там занимал. Только недавно среди его бумаг обнаружены требования, которые он заполнял, когда занимался в библиотеке, будучи студентом знаменитого университета Ал-Азхар в Каире.

Влияние идей мусульманского реформаторства

В османском Египте Каяев пробыл немногим более двух лет. Но, похоже, эти годы оказались решающими в формировании его исторического мировоззрения. Здесь он смог ближе познакомиться с увлекавшим его движением мусульманских реформаторов. В Российской империи их последователей называли джадидами (от араб. *джадид* — «новый»). Они выступали за возвращение к истокам ислама времен пророка Мухаммада и его сподвижников. Вместе с тем они призывали перенести на мусульманский Восток технические и гуманитарные достижения европейской цивилизации, чтобы освободиться от колониальной зависимости от европейцев. Джадиды ратовали за реформу исламского правосудия и образования, создание независимой мусульманской прессы. Они предлагали ввести в медресе классно-поурочную систему по образцу европейской школы, установить сроки прохождения каждой ступени образования, поставить в классах парты, повесить доски. В начальной школе предполагалось перевести обучение на родной язык учащихся, заменить зубрежку с автоматическим запоминанием непонятных изначально ученикам арабских текстов на звуковой метод, позволявший резко сократить годы, отводимые на обучение. Этот метод получил у российских джадидов название нового (тюрко-араб. — *усул-и джидид*). В средней и высшей школе вводилось изучение точных и естественных дисциплин.

¹ Подробнее об этом см.: *Наврузов А. Р.* Али Каяев — последний энциклопедист Дагестана // *Дагестанские святые* / сост. и отв. ред. А. Р. Шихсаидов. Кн. 1. Махачкала: Эпоха, 2007. С. 101.

Сторонниками нового метода обучения в России были Исма‘ил-бей Гаспринский (1851–1914) в Крыму, Шихабуддин Марджани (1818–1889), Риза Фахретдин (1859–1936) и другие мусульманские ученые Поволжья. В Османской империи эти идеи разделяли Джамал ад-дин ал-Афгани (1838–1897), Мухаммад Абдо (1849–1905), Рашид Рида (1865–1935), жившие и творившие в Египте. Рида пропагандировал идеи возрождения ислама (араб. — *нахдат ал-ислам*) в журнале «Ал-Манар» (араб. — «Маяк»). Еще до поездки за рубеж Али Каяев познакомился с сочинениями этих мусульманских мыслителей. Об этом сохранились свидетельства в его переписке. Еще в 1898 г. во время учебы в медресе с. Согратль он посылал ученому Мухаммаду-афанди книгу Рашида Риды *Ал-Муслих ва-л-мукал-лид*. В письме Каяева Мухаммаду-афанди также упомянут полемический труд ал-Афгани *Ар-Радд ‘ала-д-дахрийа* («Опровержение материалистов»), в котором исламский мыслитель с точки зрения *шари‘а* опровергал учение о происхождении человека от обезьяны в ходе исторической эволюции видов животных, критикуя недавнюю и модную тогда книгу Ч. Дарвина «О происхождении видов». Это сочинение как неотчуждаемый *вакф* хранилось в согратлинской джума-мечети¹.

В 1908 году Али Каяев переехал из Каира в Стамбул. Здесь его арестовала полиция. Причина ареста точно неизвестна. Поздние советские исследователи его научной биографии предположили, что это случилось из-за контактов ученого с оппозиционным османским общественным деятелем дагестанского происхождения, публицистом, издателем газеты «Мизан» Мурад-беем Мизанджи Дагестанлы (1854–1917), но не привели тому никаких доказательств². Наиболее вероятно, что арест Али Каяева был вызван его тесными связями с мусульманскими реформаторами в Каире, которых османские власти боялись не меньше, чем российские мифического панисламизма и пантюркизма, которые сами же и выдумали на основе идей панславизма. К счастью, при помощи влиятельной дагестанской диаспоры в столице он вскоре был выпущен на свободу и покинул Османскую Турцию. Вернувшись на Северный Кавказ, Каяев попытался осуществить идеи джадидов на практике. Здесь он последовательно создал три медресе: сначала в балкарском селе Гунделен (ныне: Кенделен) Терской области в 1908–1913 гг., затем в столице Дагестанской области г. Темир-Хан-Шуре в 1913–1918 гг. и у себя на родине, в с. Кумух, в 1918–1928 гг. Каяев быстро стал популярным преподавателем; ученики стекались к нему со всего Северного Кавказа. В его последней школе было около 300 мутааллимов.

¹ Письмо хранится в частном архиве И. А. Каяева в Махачкале. Подробнее о нем см.: Шихалиев Ш. Ш., Наврузов А. Р. Из истории жизни и творчества Али Каяева и Сайфулла-кади Башларова: документы и материалы. С. 14.

² Абдуллаев М., Меджидов Ю. Али Каяев. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1968. С. 23–24.

История в новометодной школе и мусульманской прессе

Как уже отмечалось, Каяев был полиглотом. В Гунделене он вел занятия на турецком, который хорошо понимали балкарцы, в Темир-Хан-Шуре, в которой жили преимущественно тюркоязычные кумыки, — на кумыкском, а в Кумухе — на лакском. Арабский язык стал изучаться как отдельная учебная дисциплина, а обучение тюркским языкам велось по учебникам, изданным татарскими джадидами в Бахчисарае и Казани. Каяев и сам писал учебники для медресе. Он не просто переводил арабские, османские и татарские учебники на лакский язык, а творчески перерабатывал и порой упрощал их с тем, чтобы сделать их понятными горцам. Свои работы он издавал исключительно в Исламской типографии дагестанского первопечатника аварца Мухаммада-Мирзы Мавраева (1878–1964) в Темир-Хан-Шуре. Мавраев разделял взгляды джадидов и вскоре подружился с Каяевым. В 1910–1920-е гг. в его типографии были литографированы на аджаме (в арабской графике) учебник Каяева по истории мусульманских народов Дагестана «Рассказы о прошлом на гази-кумухском (лакском¹. — В. Б., И. К.) языке» (*Ал-Хикайат ал-мадийа би-лисан Гази-Гумук*) (Рис. 1); «Трактат по новой астрономии на лакском языке» (*Ар-Рисала фи-л-хай'а ал-джадида би-лисан Гази-Гумук*); «Физическая география на лакском языке» (*Ал-Джуграфийа ат-таби'ийа би-лисан Гази-Гумук*).

Учебники Каяева следуют общим установкам мусульманских реформаторов. Их автор разделяет свойственный джадидам культ знания. Близок он им в страстном и несколько ориенталистском осуждении вечного сна², в который погрузился мусульманский Восток в колониальную эпоху. Так, в предисловии к «Рассказам о прошлом» он писал: «История — это наука, повествующая о жизни людей прошлого. Знание ее обогащает ум, пробуждает людей ото сна и разъясняет им, кто они и откуда... В современную эпоху развитие и благосостояние народа зависит от состояния научных знаний и умений. Недаром изучают даже науки о торговле. Однако в нашем краю образование не отвечает требованиям нашего времени. Не ведется обучение ни ремеслам, ни иным полезным практическим знаниям. Народу нет пользы и от выпускников русских гимназий, если только сами они вынесли из них какую-либо пользу для себя. Дай Бог, чтобы каждый, включая меня, понял свои

¹ Этнографическая и лингвистическая номенклатура дагестанских народов и языков сильно изменилась в XX в. В дореволюционную и раннюю советскую эпоху лакский язык называли гази-кумухским по названию политического и административного центра лакцев с. Гази-Кумух (вар.: Кази-Кумух).

² Ср.: Said E. W. *Orientalism*. London: Penguin books, 2003. P. 301.

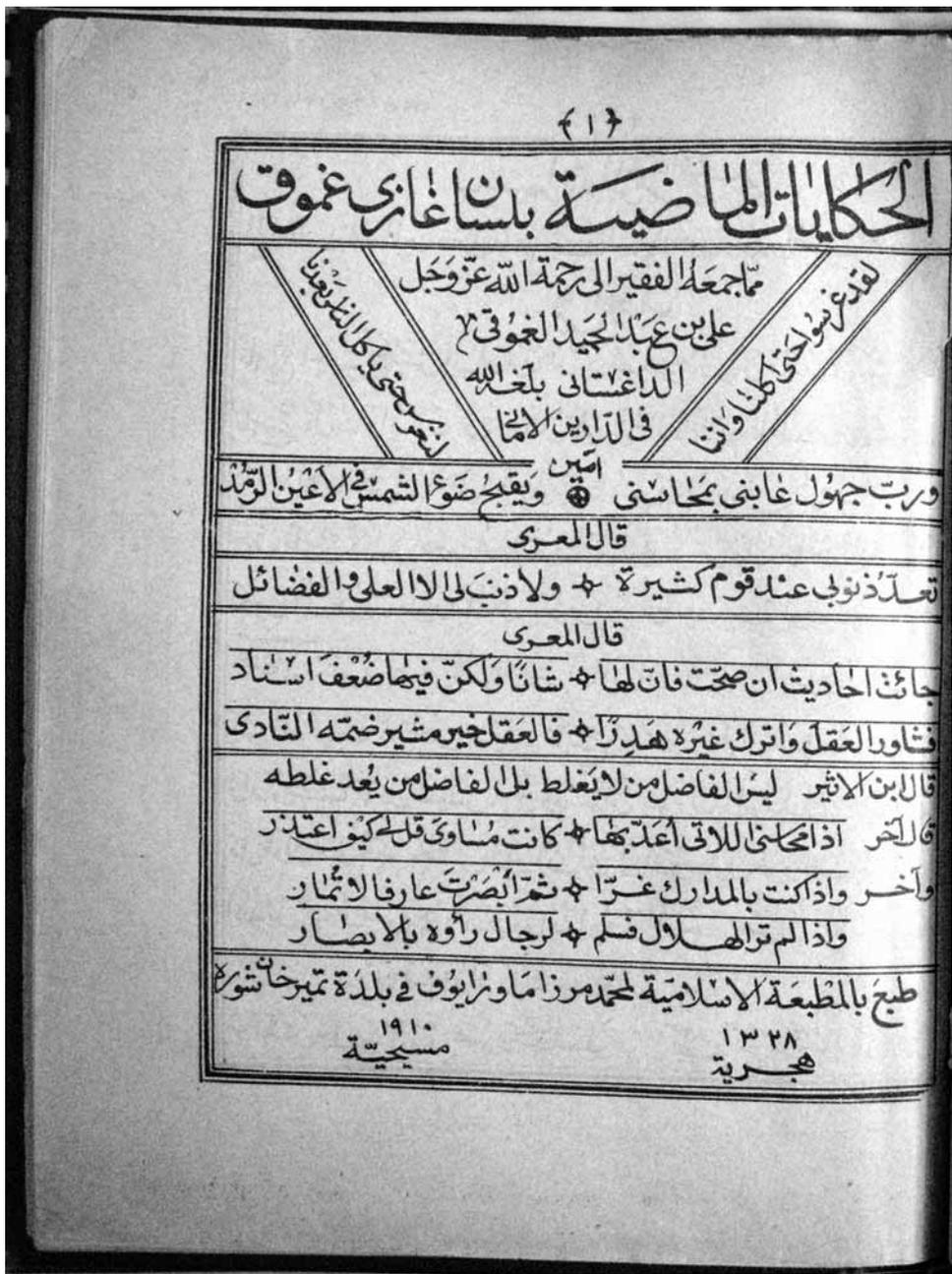

Рис. 1. Ал-Хикаят ал-мадийя би-лусан Гази-Гумук

недостатки»¹. По едкому замечанию Каяева, модернность и образование не сводятся к европейской внешности. Напяливший форменную русскую фуражку полузнайка не приобретает морального права критиковать догматы ислама и пропагандировать безбожие. Осуждал он и корыстолюбивых шейхов, спекулирующих на суфизме и забывших о требованиях *шари'ата*².

С 1913 г. Каяев занимался не только преподаванием, но и публицистикой. Единомышленник Мавраева лакец Бадави Саидов (1877–1927), занимавший пост начальника канцелярии генерал-губернатора Дагестанской области и председателя «Общества просвещения туземцев-мусульман Дагестанской области» пригласил его редактировать первую (и последнюю) на Кавказе газету на арабском языке «Джаридат Дагистан» (Рис. 2). Издание было задумано как официальный орган российской администрации, идентичный по содержанию «Дагестанским областным ведомостям», и должно было распространять среди мусульман цивилизаторские идеи русских властей. Однако из-за убыточности издания казна отказалась финансировать его. Уже в 1914 г. все расходы газеты взял на себя Саидов. Печаталась газета в Исламской типографии Мавраева и выражала независимую точку зрения дагестанских джадидов.

Каяев вел важнейшие рубрики газеты, отвечал на вопросы читателей. Из читателей, чьи письма периодически публиковались в газете, вокруг него сложился кружок единомышленников и сверстников, в котором было много джадидов, в том числе накшбандийский и шазилийский шейх лакец Сайпула-кади (1853–1919) из с. Ницовкра, кумыки Абу Суфьян Акаев (1872–1931) из с. Нижнее Казанище и Назир (1891–1935) из с. Дургели, аварский поэт Гамзат Цадаса (1877–1951), лакский публицист, писатель и общественный деятель Саид Габиев (1882–1963). В научном разделе газеты (*ал-кисм ал-'илми*) Каяев печатал свои очерки по отечественной и всемирной, средневековой и новейшей истории ислама, исламизации Кавказа, исламского мистицизма, расходившихся с установками *шари'ата* бытовых и правовых обычаев дагестанцев (*'адат*). Современное положение кавказских горцев в Российской империи он сравнивал с первыми мусульманами в языческой Мекке. По его мнению, в обоих случаях вооруженный джихад с более сильным противником был бессмыслен и неизбежно привел бы лишь к гибели множества мусульман. Потому Мухаммад не начинал его до хиджры в Ясриб³.

¹ 'Али б. Абд ал-Хамид ал-Гумуки ад-Дагустани. Ал-Хикайат ал-мадийа би-лисан Гази-Гумук / пер. с лак. И. А. Каяева. Темир-Хан-Шура: Ал-Матба'а ал-исламия ли-Мухаммад-Мирза Мавраев, 1328/1910. С. 3.

² Там же.

³ [Али ал-Гумуки.] Ма'лума джаййида // *Джаридат Дагистан*. 1914. № 44. С. 3–4. Подробнее о полемических исторических эссе Али Каяева в газете см.: Наврузов А. Р. «Джаридат Дагистан» — арабоязычная газета дагестанских джадидов. М.: Изд. дом Марджани, 2012. С. 108–121.

Ссылка на авторитетное для верующих мнение Пророка помогла ему отстоять собственное мнение на недавние события Кавказских войн и последовавшее за ней выселение горцев в Турцию (*мухаджирство*). Каяев всегда живо интересовался общественно-политической жизнью, разделяя иллюзии мусульманской интеллигенции о том, что только революция освободит мусульманские народы России от гнета царизма¹. «Если мы сами не примемся за решение своих судеб, — писал он после Февральской революции 1917 г., — если мы не пробудимся от спячки, то другие станут вершить наши судьбы, обращаясь с нами, как со скотом, будут творить то, что захотят. И получится из этого не свобода, а самодержавие»².

Источниковедение ислама на дореволюционном Кавказе

Он был еще и большим книжником. Еще в юности начал собирать библиотеку, которая стала одним из крупнейших на Кавказе собраний восточных рукописей и документов XV–XX вв. Содержание коллекции показывает, что составлял ее профессиональный историк-востоковед. Он не только лично переписывал и приобретал редкие первоисточники, в частности, остатки библиотеки арабского миссионера и правоведа и Йемена в Кумухе Ахмада ал-Йамани (ум. 1450), но и делал из них выписки. Своеобразной картотекой служили подклеенные друг к другу листки с цитатами из источников в оригинале и комментарии к ним на арабском, турецком или лакском языках. Характерно, что именно Каяев выявил и начал вводить в научный оборот источники по истории Дагестана, ставшие сегодня классикой кавказоведения: суфийскую энциклопедию рубежа XI–XII вв. богослова, правоведа и мистика Абу Бакра Мухаммада ад-Дарбанди (из Дербента) «Базилик истин и сад тонкостей» (*Райхан ал-хака'ик ва-бустан ад-дака'ик*) в единственном списке 1342–43 гг.; политическую программу правителей Аварии «Завещание Андунника», датированную 1485 г.; судебник союза сельских общин Западного Дагестана XVI–XVIII вв. «Гидатлинские адаты» (Рис. 3); дневник зятя имама Шамиля Абд ар-Рахмана ал-Гази-Гумуки с описанием его ссылки в России «Краткие выписки из подробного описания деяний имама Шамиля» (*Хуласат ат-тафсил 'ан ахвал имам Шамуил*) и др.³

¹ [Али ал-Гумуки.] Ал-инкилаб ал-кабира ва-тагйир асас ал-хукм // Джаридат Дагистан. 1917. № 11. С. 1; № 14. С. 1.

² [Али ал-Гумуки.] КИва ихтилат // Илчи. Июль 1917. № 2. С. 1. Пер. с лак. И. А. Каяева.

³ Каяев И. А. Край башен — древний Гоор // Современные проблемы сервиса и туризма. 2013. № 3. С. 22–23; Бобровников В. О. Из истории восточной археологии в Дагестане // История, археология, этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 2. С. 124.

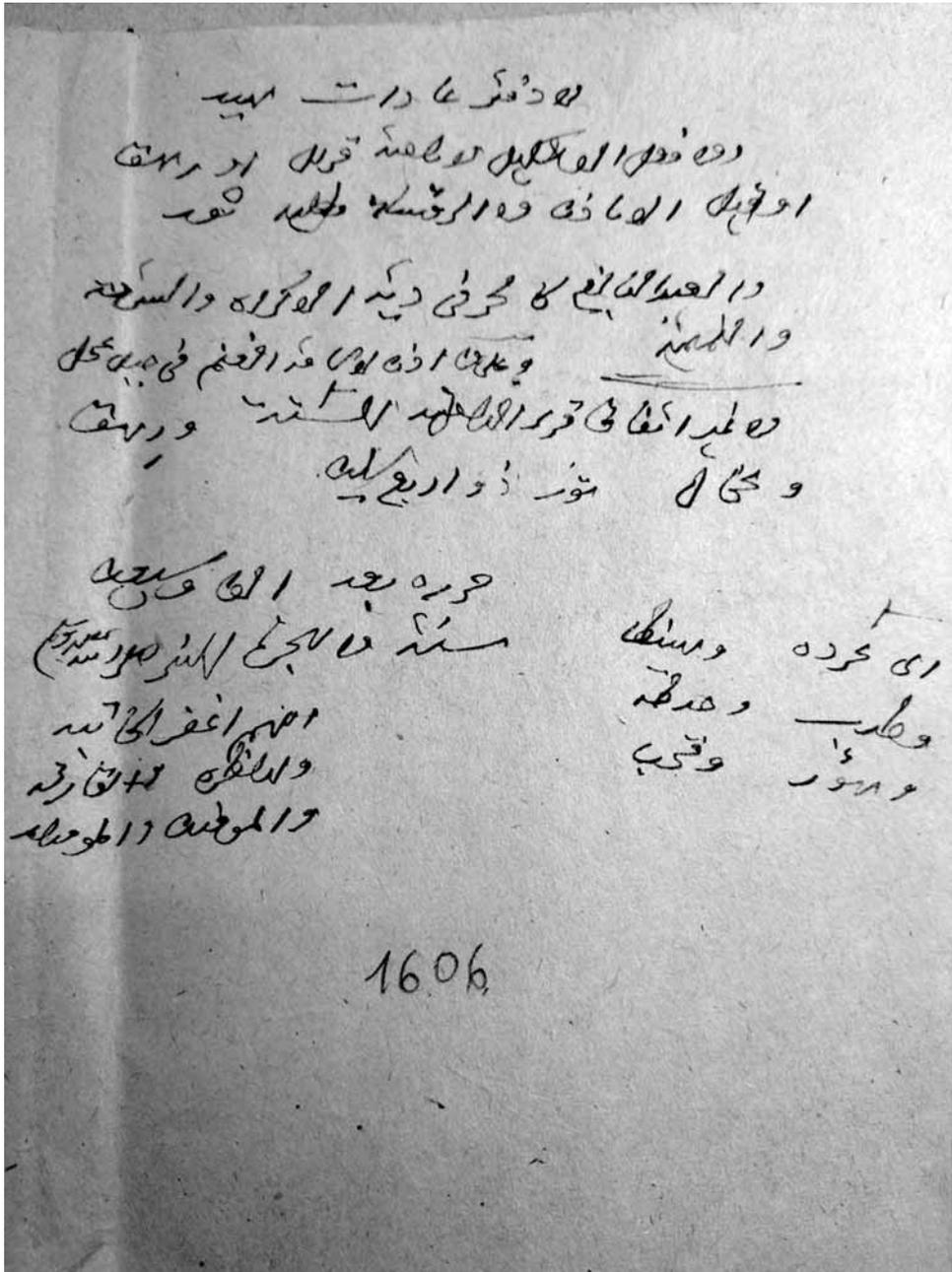

Рис. 3. Выписки из адатов Гидатля из архива А. Каяева

Первые небольшие исторические эссе Али Каяева 1910-х гг. рассчитаны на широкую публику. Вместе с тем все их отличает продуманная источниковедческая методика. Каяев выстраивает свой рассказ о прошлом на скрупулезной критике первоисточников, которую он вполне мог почерпнуть из исторических трудов Н. Карамзина и других европейских историков-позитивистов XIX в., которые имели хождение на Российском Кавказе в турецких переводах и османских изданиях. В этом отношении уже в «Рассказах о прошлом» он выступает продолжателем Аббаса-Кули-ага Бакиханова и Хасана Алкадари, критиковавших безыменных средневековых хронистов за преувеличение роли арабов времен Халифата в исламизации народов Северного Кавказа. В очерках, опубликованных в «Джаридат Дагистан», он отвергает как недостоверные дагестанские памятные записи и хроники, путающие послемонгольского исламизатора, похороненного в Хунзахе, с одноименным аббасидским героем Абу Муслимом. Не отвергая историчности хунзахского шейха, Каяев с легкостью доказывает, что походы Абу Муслима в действительности в VIII в. совершил его старший современник, омейядский полководец Маслама б. Абд ал-Малик, тексты, записанные на хунзахских реликвиях Абу Муслима — сабле и халате, — по содержанию и почерку относятся к другой эпохе сефевидской шиитской экспансии XVI–XVIII вв.¹

Вклад Каяева в советское восточное краеведение

Каяев не был далеким от политики кабинетным ученым. Осенью 1917 г. его избирают в Дагестанский областной Совет, а в январе 1918 г. — в Исполком, заменившие высшие органы императорской власти в области. Однако в марте 1918 г. он вышел из правительства. После того как Кавказ пережил сначала «белый», а затем «красный» террор, Каяев полностью разочаровался в революции. Еще в 1918 г. он перебрался с семьей из беспокойной Темир-Хан-Шуры в Кумух, где работал в медресе и судьей-кади в шариатском суде Кумуха (до его закрытия в 1925 г.). Все больше времени он посвящал научной работе, а в 1928 г. переехал по приглашению правительства Дагестанской АССР в Махачкалу и устроился научным сотрудником в Институт дагестанской культуры при СНК республики (ныне: Институт истории, археологии, этнографии и Институт

¹ [Али ал-Гумуки.] Ала йад ман асламтунна? // Дагистан. 1918. № 6. С. 3–4. Любопытно отметить, что по содержанию и аргументации этот очерк Каяева удивительно напоминает научную статью его ученика М.-С. Саидова. Только последняя выдержана в более академическом советском стиле. Ср.: Саидов М.-С. О распространении Абумуслимом ислама в Дагестане // Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Махачкала, 1957. Т. II. С. 42–51.

языка, литературы, искусства ДФИЦ РАН). Здесь он начал ряд больших востоковедных источниковедческих проектов по истории и этнографии Дагестана, продолжал собирать материалы и писать начатую в 1928 г. по заказу дагестанского правительства «Историю гражданской войны», ездил по горным селениям, работал в библиотеках Тбилиси и Москвы, много переводил с арабского, *фарси*, турецкого.

Репутация ученого у ранних советских властей республики была чрезвычайно высока. В личном архиве И. А. Каяева сохранилось написанное на арабском языке письмо Али Каяеву наркома просвещения Дагестанской АССР, выдающегося организатора ранней советской науки в республике А. Тахо-Годи, в котором тот заказывал ученому научно-популярный очерк новой истории горцев-мусульман Дагестана после крушения царского режима: «Дагестанское правительство постановило издать книгу по истории Дагестана после свержения Николая Романова с российского трона. Цель написания такой истории — прославить героизм дагестанских народов, показать всему миру их развитие, чтобы обессмертить имя Дагестана и его героев, сражавшихся за свободу... Вам следует написать историю того, что Вы видели и что Вы знаете относительно вышеуказанного, как все происходило в целом, поскольку Вы были из числа прогрессивных деятелей и лидеров во время борьбы с белоказаками»¹.

Завершить «Историю гражданской войны» к 15 ноября 1929 г., как это изначально планировалось, не удалось. Работа разрослась в многотомный труд из-за обилия собранных Каяевым документов, писем, памятных записей и устных свидетельств представителей разных политических блоков, боровшихся за власть на Северном Кавказе с лета 1917 г. К тому же вскоре начались преследования инакомыслящих в СССР. Сталинские политические репрессии не обошли стороной ни Каяева, ни его единомышленников-джадидов. Большинство его корреспондентов по «Джаридат Дагистан» погибли в лагерях и ссылке в Западной Сибири и Казахстане. Вместе с ними 18 августа 1931 г. по стандартному обвинению в «контрреволюционной деятельности» Каяева сослали на 5 лет в Челябинск, правда, вскоре перевели в Воронеж, а в 1934 г. досрочно освободили по ходатайству председателя Совнаркома ДАССР Джалал ад-Дина Коркмасова и восстановили в Дагестанском НИИ национальных культур.

В 1930-е гг. Каяев продолжает научную работу и пишет ряд многотомных историко-лингвистических работ, собирает уникальные письменные первоисточники и устный фольклор горцев, причем еще не цензурируя своих исследований, прочесть которые могли далеко не все

¹ Шихалиев Ш. Ш., Наврузов А. Р. Из истории жизни и творчества Али Каяева и Сайфулла-кади Башларова: документы и материалы. С. 40.

советские чиновники и сотрудники НКВД, не владевшие восточными языками в арабской графике. Это — «Материалы по истории Дагестана», «Тарикат в Дагестане», «Материалы по языку и истории Дагестана», «Толковый словарь лакского языка», неоконченный «Сравнительный словарь лакского, даргинского и аварского языков», «Материалы по языку и истории лаков» на лакском языке, библиографический словарь под традиционным названием «Биографии дагестанских ученых» (*Тараджим 'улама' Дагистан*). Сохранились три версии последней рукописи: на арабском, азербайджанском и лакском языках.

Новая история мусульманских народов Кавказа

В работах 1920–1930-х гг. окончательно сложился новаторский подход Каяева к истории. Он отходит от традиционного для мусульманских хронистов еще в конце XIX в. военно-политического нарратива, в котором она представляла перечнем войн, стихийных бедствий, дат правления, рождений, смертей выдающихся политиков и ученых, написания тех или иных сочинений, сделав основным предметом и действующим лицом истории мусульманские народы Кавказа. История предстает у него как биография отдельных народов, их борьба за власть в регионе. В очерках по истории и культуре из газеты «Джаридат Дагистан» он все чаще видит основным актором истории на современном Северном Кавказе дагестанскую нацию (*ал-милла ад-дагистанийа*)¹. Следы повествования, характерного для дагестанских хроник и памятных записей, еще встречаются в «Рассказах о прошлом» 1910 г. В «Истории гражданской войны» и других своих исторических трудах советского периода он от него полностью отходит. Вместе с тем в рассказе о прошлом мусульманских народов у Каяева во многом довлеет то, что сегодня называют персонифицированной историей (*personal history*). Историю народов он пишет через судьбы ярких личностей, из биографий которых рисуется коллективный портрет кавказских горцев и его изменение от начала исламизации Северного Кавказа при Аббасидах до Кавказских войн XIX в. Во многом подход Каяева оказался как нельзя более востребован у историков сегодня.

В январе 1939 г. последовал второй арест (Рис. 4). Каяеву припомнили его поездку за границу в 1905–1908 гг. Он был обвинен в шпионаже в пользу Турции и в связях с «врагом народа» Коркмасовым. После длительного тюремного заключения 14 мая 1940 г. его сослали на 5 лет в Казахстан. В ссылке он завершил свою последнюю работу

¹ [‘Али ал-Гумуки.] Тадрис ва-та’лим // Джаридат Дагистан. 1914. № 1. С. 3.

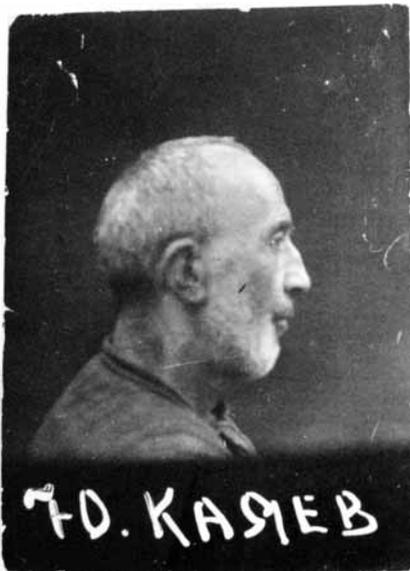

Рис. 4.
А. Каяев после 2-го ареста

«Материалы по лакскому языку и истории» (1942). В декабре 1943 г. Каяев заболел тифом и вскоре скончался. Его похоронили на русском кладбище г. Георгиевка Семипалатинской области. Позже казахи перезахоронили тело ученого на мусульманском кладбище с. Аязоз недалеко от г. Георгиевка. 13 апреля 1957 г. и 30 июня 1969 г. А. А. Каяев был посмертно реабилитирован, а оба приговора отменены «за отсутствием состава преступления»¹. Вернуть читателям его научное наследие оказалось сложнее. Многие пропало при арестах. Только при аресте 1938 г. у него изъяли 7 объемистых папок с рукописями ученого. Обнаружить их в архивах КГБ не удалось. Чудом жена сохранила основную часть огромной библиотеки ученого, замуравив комна-

ту, где она хранилась. Когда сотрудники НКВД вернулись, чтобы забрать оставшиеся рукописи, она уверила их, что никаких книг в доме больше не осталось, а сама она неграмотна и не знает, что было в библиотеке мужа. Наиболее ценные письма и документы XVII — первой четверти XX в. сам Каяев спрятал под землей в огромном котле-казане, герметично запечатав его под слоем асфальта, накануне второй ссылки, из которой не вернулся. Только в 1990-е годы собрание рукописей и писем было извлечено И. А. Каяевым из тайника.

Парадоксы научной реабилитации

Реабилитация научного творчества Али Каяева началась при Брежнев. В 1966–1968 гг. философ Юсуп Меджидов и научный атеист Магомед Абдуллаев написали о нем ряд статей и монографию². С искренним

¹ Шихалиев Ш. Ш., Наврузов А. Р. Из истории жизни и творчества Али Каяева и Сайфулла-кади Башларова: документы и материалы. С. 48.

² Меджидов Ю. В. Замир Али // Дусшиву. 1966. № 1 (на лак. яз.); *Его же*. Естественно-научные и философские взгляды Али Каяева // Сборник аспирантских работ ДГУ. Махачкала: Изд-во ДГУ, 1966; *Его же*. Али Каяев о бытии // Сборник научных сообщений кафедры философии ДГУ. Махачкала: Изд-во ДГУ, 1967; Абдуллаев М., Меджидов Ю. Али Каяев. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1968. Есть дополненное 2-е изд. 1993 г.

интересом они пытались познакомить советского читателя с сочинениями и перипетиями жизненного пути ученого. Сделать это было нелегко. С одной стороны, немало препон чинили чиновники от науки. Рукопись книги обсуждали на заседании обкома КПСС, пытаясь не допустить ее к изданию. Противники изучения наследия Каяева были и среди влиятельных советских историков Дагестанского филиала АН СССР¹. С другой стороны, защитникам Каяева не хватало востоковедного образования, позволяющего оценить содержание сочинений ученого. Меджидов был лакцем, даргинец Абдуллаев собрал у знавших Каяева стариков-арабистов уникальный материал из разряда устных историй (oral history). Однако первый не читал на аджаме, а второй не захотел представить источников своих сведений о биографии Каяева. В переводе арабских сочинений Каяева им помогал арабист и религиозный диссидент Магомедрасул Мугумаев. Но научного редактора у книги не было, и в результате переводы превратились в далекие от оригинала пересказы. Более того, сначала в Поволжье, а затем и на Северном Кавказе сложилась формулировка оправдания джадидов, включая Каяева, как мусульманских «просветителей»², никак не связанная с содержанием созданных ими текстов.

С тех пор многое изменилось. Пала цензура на исторические исследования о далеком прошлом, открылись государственные и частные архивы, были восстановлены собрания рукописей мечетей. К творчеству Каяева обратились востоковеды. Были опубликованы его поздние работы. Появился ряд обзорных работ о нем³. В первую очередь надо поблагодарить М. А. Абдуллаева и других первых исследователей творчества Али Каяева за подвижнический труд по реабилитации ученого и неординарного человека. Вместе с тем следует пересмотреть оценку Али Каяева как историка-востоковеда на основании его собственных сочинений с учетом последних научных наработок. Многое следует переписать. Давно пора изучать творчество Али Каяева по его собственным сочинениям, а не по досужим домыслам его советских критиков.

¹ В начале 1980-х гг. специалист по истории рабочего класса Г. И. Милованов резко обрушился на М. А. Абдуллаева за включение им творчества «антисоветчика» в книгу о мыслителях дореволюционного Дагестана. Он не знал о реабилитации Али Каяева и считал, что советский ученый не должен писать о врагах советской власти. Популяризация творчества Каяева еще раньше вызывала нападки на Абдуллаева и Меджидова со стороны советского историка права А. Б. Баймурзаева.

² *Абдуллаев М., Меджидов Ю.* Али Каяев. С. 18 и далее; *Абдуллаев М. А.* Общественно-политическая мысль в Дагестане в начале XX в. М.: Наука, 1987. С. 141–144. Ср.: *Бустанов А. К., Кемпер М.* Мирасизм в татарской среде: трансформация исламского наследия в мусульманское просветительство // *Ars Islamica*. В честь Станислава Михайловича Прозорова / под ред. М. Б. Пиотровского и А. К. Аликберова. М.: Восточная литература, 2016.

³ *Бобровников В. О.* Каяев, А. // *Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь* / под ред. С. М. Прозорова. Т. 1. М.: Восточная литература, 2006; *Наврузов А. Р.* Али Каяев — последний энциклопедист Дагестана; *Его же.* «Джаридат Дагистан» — арабоязычная газета кавказских джадидов. М., 2012, и др.

Столь же бессмысленно, отталкиваясь от последних в стиле западной советологии в период «холодной войны», прикреплять к нему ярлыки вроде «просветитель» или «мусульманин-большевик»¹, служившие прежде способом реабилитации незаконно репрессированных религиозных мыслителей, но никак не отражавшие их творчества.

Чтобы понять бессмысленность этих ярлыков, основанных на официозных мифах поздней советской историографии, достаточно почитать не прошедшие советской цензуры главы его «Истории гражданской войны», где автор с сарказмом спрашивает себя, что бы в 1930-е гг. ответил ему Махач Дахадаев, клятвенно обещавший, что социалисты гарантируют мусульманам свободу вероисповедания, если бы грабители не убили его в 1918 г. (Стоит при этом вспомнить и то, что Дахадаев и другие дагестанские социалисты в действительности никогда не принадлежали к РКП(б) — их большевизм составляет еще один советский миф). К сожалению, мало кто сегодня читает на азербайджанском и в особенности на лакском в арабской графике. Сами языки эти немало изменились. Можно надеяться, что издание и перевод на русский и другие европейские языки работ Али Каяева еще принесет историкам бывшего имперского советского Востока интересные открытия. Особенно перспективно, как кажется, изучение переписанных им сочинений из личной библиотеки ученого и его корреспонденции в контексте интеллектуальной истории мусульманской индивидуальности².

Заключение

Проведенное исследование показывает необходимость произвести существенную переоценку творчества Али ал-Гумуки (Каяева). Реконструкция его научной биографии позволяет понять значение мусульманского реформаторства для изучения интеллектуальной истории ислама на Северном Кавказе XX в. После того как дважды репрессированный сталинский период Али ал-Гумуки, более известный как Каяев (1878–1943) из Кумуха в Дагестане, был реабилитирован, о нем писали в основном как о политически близком к большевикам публицисте и общественно-политическом деятеле, реже — как о книжнике и собирателе одной из крупнейших в регионе мусульманских библиотек рукописей на арабском и других восточных языках. Пытаясь пересмотреть этот далекий от истины образ, авторы работы обращаются к научному

¹ См., например: *Роцин М. Ю.* Али Каяев — мусульманский просветитель и реформатор Дагестана // *Расы и народы*. Вып. 31. М.: Наука, 2006; *Его же.* Мусульманин-большевик // *НГ-Религия*. 02.06.2004.

² См., например: *Бустанов А., Дородных Д.* Джадидизм как парадигма изучения ислама в Российской империи // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2017. № 3. С. 112–133.

наследию Каяева как мусульманского историка-реформатора. Каяева и его единомышленников из числа читателей газеты «Джаридат Дагистан» и выпускников медресе, которыми он руководил с 1908 г., обычно называют джадидами. Известное под этим именем движение мусульманских реформаторов действительно оказало большое влияние на его взгляды и научное творчество. Он специально изучал труды как российских джадидов, так и реформаторов из Османской империи, со многими из них он был лично знаком и переписывался. Вместе с тем как историк и источниковед он сложился в результате обучения в традиционной мусульманской школе с давней традицией копирования и доработки рукописей на восточных языках. На формирование Каяева как историка-востоковеда также повлияли труды мусульманских историков-реформаторов с Северного Кавказа, прежде всего Бакиханова и Алкадари. Возможно, он воспринял некоторые идеи историописания и из европейской позитивистской научной традиции XIX в., чьи труды он и другие дагестанские улемы первой трети XX в. знали в османских переводах и переложениях. Через ряд своих учеников, прежде всего М.-С. Д. Саидова, Каяев в свою очередь повлиял на становление дагестанской школы академической ориенталистики, надолго определив ее тематический репертуар и круг классических восточных источников. Следует отметить оригинальность историографической концепции ученого. Главную роль в создании Северного Кавказа как региона периферии мусульманского мира он отводил его мусульманским народам как главным акторам истории.

Литература

[Абдулла Омар-оглы.] Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах. 1868. Вып. I. Отд. VII. С. 13–64.

Абдуллаев М. А. Общественно-политическая мысль в Дагестане в начале XX в. М.: Наука, 1987. 326 с.

Абдуллаев М., Меджидов Ю. Али Каяев. Жизненный путь, естественно-научные и общественно-политические воззрения. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1968. 182 с.

Абдулмаджидов Р. С., Шехмагомедов М. Г. Биографии кумухских ученых-богословов XIX в. в изложении Али ал-Гумуки (Каяева) // Вестник ДНЦ РАН. 2015. № 57. С. 51–60.

‘Али б. ‘Абд ал-Хамид ал-Гумуки ад-Дагустани. Ал-Хикайат ал-мадийа би-лисан Гази-Гумук. Темир-Хан-Шура: ал-Матба‘а ал-исламия ли-Мухаммад-Мирза Мавраев, 1328/1910. 111 с.

[‘Али ал-Гумуки.] Тадрис ва-та‘лим // Джаридат Дагистан. 1914. № 1. С. 3.

[‘Али ал-Гумуки.] Ма‘лума джаййида // Джаридат Дагистан. 1914. № 44. С. 3–4.

[‘Али ал-Гумуки.] Ал-инкилаб ал-кабира ва-тагйир асас ал-хукм // Джаридат Дагистан. 1917. № 11. С. 1; № 14. С. 1 (на араб. яз.).

[‘Али ал-Гумуки.] КИва ихтилат // *Илчи*. Июль 1917. № 2. С. 1 (на лак. яз.).

[‘Али ал-Гумуки.] ‘Ала йад ман асламтунна? // Дагистан. 1918. № 6. С. 4 (на араб. яз.).

Бобровников В. О. Каяев, ‘Али // Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь / под ред. С. М. Прозорова. Т. 1. М.: Восточная литература, 2006. С. 192–194.

Бобровников В. О. Из истории восточной археографии в Дагестане // История, археология, этнография Кавказа. 2018. Т. 14. № 2. С. 119–127.

Бустанов А. Дородных Д. Джадидизм как парадигма изучения ислама в Российской империи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 112–133.

*Бустанов А. К., Кемпер М. Мирасизм в татарской среде: трансформация исламского наследия в мусульманское просветительство // *Ars Islamica*. В честь Станислава Михайловича Прозорова / под ред. М. Б. Пиотровского и А. К. Аликберова. М.: Восточная литература, 2016. С. 729–745.*

Гусейнаев А. Г. Архивные сведения из трех арабских надписях из Кумуха // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1986. С. 127–133.

Каяев И. А. Край башен — древний Гоор // Современные проблемы сервиса и туризма. 2013. № 3. С. 22–23.

*Крачковский И. Ю. Новые рукописи истории Шамиля Мухаммада Тахира ал-Карахи // *Крачковский И. Ю. Избранные сочинения*. 1960. Т. VI. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. С. 585–608.*

Меджидов Ю. В. Замир Али // Дусшиву. 1966. № 1 (на лак. яз.). С. 27–32.

Меджидов Ю. В. Естественно-научные и философские взгляды Али Каяева: сборник аспирантских работ ДГУ. Махачкала: Изд-во ДГУ, 1966. С. 56–60.

Меджидов Ю. В. Али Каяев о бытии: сборник научных сообщений кафедры философии ДГУ. Махачкала: Изд-во ДГУ, 1967. С. 86–91.

Наврззов А. Р. Али Каяев — последний энциклопедист Дагестана // Дагестанские святыни / сост. и отв. ред. А. Р. Шихсаидов. Кн. 1. Махачкала: Эпоха, 2007. С. 100–110.

Наврззов А. Р. «Джаридат Дагистан» — арабоязычная газета дагестанских джадидов. М.: Изд. дом Марджани, 2012. 240 с.

Роцин М. Ю. Али Каяев — мусульманский просветитель и реформатор Дагестана // Расы и народы. Вып. 31. М.: Наука, 2006. С. 163–169.

Роцин М. Ю. Мусульманин-большевик // НГ-Религия. 02.06.2004. С. 3.

Саидов М.-С. О распространении Абумуслимом ислама в Дагестане // Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Махачкала, 1957. Т. II. С. 42–51.

Хроника Мухаммеда Тахира ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля / пер. с араб. А. М. Барабанова; предисл. акад. И. Ю. Крачковского. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 21, 311 с.

Шухалиев Ш. Ш., Наврузов А. П. Из истории жизни и творчества Али Каяева и Сайфулла-кади Башларова: документы и материалы. Махачкала: Rizo-Press. 2018. 202 с.

Said E. W. Orientalism. London: Penguin books, 2003. XXV. 396 p.

References

[Abdulla Omar-oghly]. (1868). Vospominaniia mutalima [A Madrasa Student's Memories]. *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh*. Vol. I (VII). P. 13–64.

Abdullaev M. A. (1987). *Obshchestvenno-politicheskaia mysl' v Dagestane v nachale XX v.* [Social and Political Thought in Dagestan in the Beginning of the 20th century]. Moscow: Nauka. 326 p.

Abdullaev M., Medzhidov Yu. (1968). *Ali Kayaev. Zhiznennyi put', estestvenno-nauchnye i obshchestvenno-politicheskie vozzreniia* [Ali Kayaev: His Life, Scientific, Social and Political Views]. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo. 2nd ed. in 1993. 182 p.

Abdulmadzhidov R. S., Shakhmagomedov M. G. (2015). Biografii kumukhskikh uchenykh-bogoslovov XIX v. v izlozhenii Āli al-Ghumuqi (Kayaev) [Biographies of the 19th-Century Qumukh Theologian Scholars Written by Āli al-Ghumuqi (Kayaev)]. *Vestnik DNTs RAN*. Vol. 57. Pp. 51–60.

Āli b. Ābd al-Khamid al-Ghumuqi al-Daghustani. (1328/1910). *Al-Hikayat al-madiyya bi-lisan Ghazi-Ghumuq* [Stories of the Past in Lak]. Temir-Khan-Shura; al-Matba'a al-islamiyya li-Muhammad Mirza Mavrayuf. 111 p.

[Āli al-Ghumuqi]. (1914). Tadrīs wa-ta'lim [Instruction and Education]. *Jaridat Daghistan*. No. 1. P. 3.

[Āli al-Ghumuqi]. (1914). Ma'luma jayyida [The Best Solution]. *Jaridat Daghistan*. No. 44. Pp. 3–4.

[Āli al-Ghumuqi]. (1917). Al-Inqilab al-kabira wa-taghyir asas al-hukm [The Great Revolution and the Change of Foundations in the State Governance]. *Jaridat Daghistan*. No. 11. P. 1; No. 14. P. 1.

[Āli al-Ghumuqi]. (1917). Kiva ikhtilat [A Pair of Words]. *Ilchi*. 2: 1.

[Āli al-Ghumuqi]. (1918). Āla yad man aslamtunna? [By Whom Were We Islamized?]. *Daghistan*. No. 6. P. 4.

Bobrovnikov V. O. (2006). Kayaev, Āli. [Kayaev, Āli]. S. M. Prozorov (Ed.). *Islam na territorii byvshei Rossiiskoi imperii: entsyklopedicheskii slovar'*. Vol. 1. Pp. 192–194.

Bobrovnikov V. O. (2018). Iz istorii vostochnoi arkheografii v Dagestane [From the History of Oriental Archeography in Dagestan]. *Istoriia, arkheologiya, etnografiia Kavkaza*. Vol. 14 (2). 2018. Pp. 119–127.

Bustanov A. K., Dorodnykh D. (2017). Dzhadidizm kak paradigma izucheniia islama v Rossiiskoi imperii [Jadidism as the Paradigm for the Study of Islam in the Russian empire]. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. No. 3. 2017. Pp. 112–133.

Bustanov A. K., Kemper M. (2016). Mirasizm v tatarskoy srede: transformatsiya islamskogo naslediya v musul'manskoe prosvetitel'stvo [Mirasism among the Tatars: A Transformation of the Islamic Legacy into the Muslim Enlightenment]. M. B. Piotrovsky, A. K. Alikberov (Eds.). *Ars Islamica. V chest' Stanislava Milkhailovicha Prozorova*. Moscow: Vostochnaia literature. Pp. 729–745.

Guseinaev A. G. (1986). Arkhivnye svedeniya iz trekh arabskikh nadpisyakh iz Kumukha [Archival Date on Three Arabic Inscription from Kumukh]. *Istochnikovedenie srednevekovogo Dagestana*. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo. Pp. 127–133.

Kayaev I. A. (2013). Kray bashen — drevniy Goor [The Ancient Goor is Land of Towers]. *Sovremennye problemy servisa i turizma*. Vol. 3. 2013. Pp. 22–23.

Khronika Mukhammada Takhira al-Qarakhi o dagestanskikh voynakh v period Shamilia [Chronicle of Muhammad-Tahir al-Qarakhi about the Dagestani Wars under the Shamil's Rule] (1941). Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 21. 311 p.

Krachkovsky I. Yu. (1960). Novye rukopisi istorii Shamilia Mukhammada Takhira al-Qarakhi [The New Manuscripts of the Shamil's History by Muhammad Takhir al-Qarakhi]. Krachkovsky I. Yu. *Izbrannye sochineniia*. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. VI. Pp. 585–608.

Medzhidov Yu.V. (1966). Zamir Ali [Damir 'Ali]. *Dusshivu*. Vol. 1. Pp. 27–32. (In Lak).

Medzhidov Yu.V. (1966). Estestvenno-nauchnye i filosofskie vzglyady Ali Kayaeva [Natural-Scientific and Philosophic Views of Ali Kayaev]. *Sbornik aspirantskikh rabot DGU*. Makhachkala: Izdatel'stvo DGU. Pp. 56–60.

Medzhidov Yu.V. (1967). Ali Kayaev o bytii [Ali Kayaev on the Objective Reality]. *Sbornik nauchnykh soobshchenii kafedry filosofii DGU*. Makhachkala: Izd-vo DGU. Pp. 86–91.

Navruzov A. R. (2007). Ali Kayaev as the Latest Encyclopaedist in Dagestan [Ali Kayaev — poslednii entsiklopedist Dagestana]. Shikhsaidov A. R. (Ed.). *Dagestanskii svyatyni*. Book 1. Makhachkala: Epokha. Pp. 100–110.

Navruzov A. R. (2012). "Dzharidat Daghistan" araboyazychnaia gazeta dagestanskikh szhadidov [Jaridat Daghistan as the Arabic-Speaking Newspaper of the Dagestani Jadid Reformers]. 240 p.

Roshchin M. Yu. (02.06.2004). Musul'manin-bol'shevik [A Muslim Bolshevik]. *NG-Religii*. P. 3.

Roshchin M. Yu. (2006). Ali Kayaev — musul'manskii prosvetitel' i reformator Dagestana [Ali Kayaev as Muslim Enlightener and Reformer in Dagestan]. *Rasy i narody*. Vol. 31. Pp. 163–169.

Said E. W. (2003). *Orientalism*. London: Penguin books. XXV. 396 p.

Saidov M.-S. (1957). O rasprostranении Abumuslimom islama v Dagestane [On the Islamization of Dagestan by Abumuslim]. *Uchenye zapiski Instituta istorii, yazyka i literatury im. G. Tsadasy*. Vol. II. Pp. 42–51.

Shikhaliev Sh. Sh., Shekhmagomedov M. G. (2018). *Iz istorii zhizni i tvorchestva Ali Kayaeva i Sayfulla-qadi Bashlarova: dokumenty i materialy* [From the Life and Works Story of Ali Kayaev and Sayfulla-qadi Bashlarov: Documents and Materials]. Makhachkala: Rizo-Press. 202 p.

'ALI AL-GHUMUQI (KAYAEV) AS THE HISTORIAN OF CAUCASUS MUSLIM PEOPLES

Abstract. The paper is an attempt at writing of the new conceptual biography of a renowned Muslim reformist leader in late tsarist and early Soviet Caucasus. After 'Ali al-Ghumuqi more known under the name of Kayaev (1878–1943) from the Dagestani village of Ghumuq fell the victim of the Stalinist political repressions and then was gradually rehabilitated, historians often presented him a leftist journalist and politician close to the Bolsheviks, sometimes also a bibliophile who collected one of the largest private libraries of Muslim Oriental manuscripts and documents. Seriously revising this not very correct image the authors of this article investigate rather his academic research activities that allow rethinking Kayaev as a Muslim historian revisionist. The focus is made on his Oriental source studies that traced the future development of the famous Dagestani school of academic Oriental studies in the twentieth century, as well as on Kayaev's original treatment of Muslim historiography he considered through the lenses of Muslim peoples' development as principal historical actors.

Key words: historiography and source studies of Islam, Oriental studies, Muslim reformers, Dagestan, Egypt.

Vladimir O. BOBROVNIKOV,

Cand. Sci. (Hist.), research fellow, Research Laboratory for Analysis and Modeling of Social Processes, Saint Petersburg State University (11, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russia); Department of Central Asia, Caucasus and the Volga-Ural region, Institute for Oriental Studies of Russian Academy of Sciences (12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation); E-mail: vladimir_bobrovn@mail.ru

Miqdad I. KAYAEV,

student, faculty of history, Dagestan State University (8, Korkmasova Str., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367008, Russian Federation); E-mail: mikdad.kayaev@yandex.ru

